

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 316.74

П. С. Крючек¹, В. Н. Сергеев²

¹Белорусский государственный технологический университет

²Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям
Республики Беларусь

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Историческая память, как специальным образом направленное сознание, тесно связана с современностью и будущей перспективой. В этой связи на первое место выходит ее процессуальный аспект, который, по сути, предполагает технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Важным вопросом в этой связи является вопрос о том, как и в какой степени транслируемое сегодня представление о прошлом формирует и поддерживает коллективную идентичность.

В статье рассмотрены механизмы формирования исторической памяти и ее влияние на национальную идентичность. Проанализированы взаимосвязь исторического сознания, общественного восприятия прошлого и профессиональной историографии. Особое внимание уделено процессам сохранения, организации и трансляции исторического опыта, а также его роли в социальной консолидации. Представлены результаты историко-социологического исследования среди студентов Белорусского государственного технологического университета, выявляющие высокий уровень национальной идентичности и интереса к истории. Определены ключевые образы исторической памяти, связанные с Великой Отечественной войной, национально-освободительными движениями и культурным наследием. Сделан вывод о значении исторической памяти в формировании коллективной идентичности и ее роли в общественном самосознании.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, историческое сознание, коллективная идентичность, историография, социальная консолидация, трансляция исторического опыта, культурное наследие.

Для цитирования: Крючек П. С., Сергеев В. Н. Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 5–10.

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-1.

P. S. Kruchek¹, V. N. Sergeev²

¹Belarusian State Technological University

²University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations
of the Republic of Belarus

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY: MECHANISMS OF FORMATION AND SOCIAL SIGNIFICANCE

Historical memory as a specially directed consciousness is closely connected with modernity and future prospects. In this regard, its procedural aspect comes to the forefront, which essentially presupposes technologies for preserving, organizing and reproducing individual or collective historical experience to the extent and in the form in which it can be applied to the current present. An important question in this regard is how and to what extent the idea of the past transmitted today forms and supports collective identity.

The article examines the mechanisms of historical memory formation and its impact on national identity. It explores the relationship between historical consciousness, public perceptions of the past, and professional historiography. Special attention is given to the processes of preserving, organizing, and

transmitting historical experience and their role in social consolidation. The study highlights how historical narratives contribute to the construction of collective identity and shape cultural self-awareness. The article presents the results of a historical-sociological study conducted among students of the Belarusian State Technological University (BSTU). Findings indicate a strong sense of national identity and a high level of interest in history, particularly in national heritage and key historical events. The dominant historical memory images are linked to the Great Patriotic War, national liberation movements, and cultural heritage. The study emphasizes the role of historical memory in fostering a sense of belonging, maintaining continuity across generations, and reinforcing social cohesion. The research contributes to a broader understanding of how historical narratives influence national identity and how historical education can shape public consciousness.

Keywords: historical memory, national identity, historical consciousness, collective identity, historiography, social consolidation, transmission of historical experience, cultural heritage.

For citation: Kruchek P. S., Sergeev V. N. Historical memory and national identity: mechanisms of formation and social significance. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 5–10 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-1.

Введение. Одной из главных составляющих исторической культуры народа является историческая память, которая дает возможность адекватно воспринимать настоящее и планировать будущее. Историческая память и ее осмысление играют большую роль в формировании гражданской солидарности в обществе, обеспечении связи поколений, в понимании сопричастности граждан государству. Осмысливая пройденный путь, общество вырабатывает определенное отношение к прошлому, которое находит свое отражение в историческом сознании, культуре и в значительной степени зависит от его настоящего.

Отношение к историческому прошлому является важной составляющей национальной идентичности, поскольку в памяти последующих поколений сохраняются дела, совершенные предками, достижения, победы и поражения, составлявшие основу государства, культурного мира, в котором живет и развивается конкретный народ.

Изучение феномена исторической памяти в последнее время стало одним из приоритетных направлений не только собственно исторической науки, но и других гуманитарных отраслей знаний, что делает данное направление, по сути, междисциплинарным. Однако все же следует признать, что именно на историков возлагается основная нагрузка в деле разработки этого относительно нового направления. В ходе исследования ученым приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, связанных с тем, что историческая память является дифференцированным и изменчивым явлением, постоянно обновляется, воспроизводится, проверяется, трансформируется, поэтому она нуждается в определенной фиксации. Решить данную проблему можно с помощью инструментария различных исторических дисциплин, в том числе историографии. Проблему взаимосвязи профессиональной историографии и исторической памяти можно уя-

зать и с определенным типом исторической культуры общества. Профессиональное знание влияет на коллективные представления о прошлом, но, в свою очередь, оно существует в каком-то культурном контексте, испытывает воздействие определенного типа исторической культуры, массовых стереотипов и предрассудков.

Сегодня профессиональная историография сталкивается и с другой проблемой, а именно с резким сокращением временного промежутка между моментом совершения события и началом его изучения. В условиях, когда живы свидетели событий, а также их непосредственные потомки, воспринявшие информацию о событии из первых рук, влияние историографии на память затрудняется, сталкиваясь с альтернативными версиями прошлого. В результате образуются места усиления исторической преемственности и, наоборот, места их разрывов, забвений, умолчаний [1, с. 9].

Историческая память представляется в качестве специальным образом направленного сознания, где особенное значение приобретает информация о прошлом, которое не автономно, но тесным образом связано с современностью и будущей перспективой. Иначе говоря, на первое место выходит процессуальный аспект исторической памяти, подразумевающий, по сути, технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Следовательно, главный вопрос заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания: «Невозможно получить доступ к прошлому именно так, как оно произошло. Чтобы приблизиться к нему, мы должны представить его, сделать его частью настоящего посредством

творческого синтеза, который реконструирует его. По этой причине знание прошлого и его использование в настоящем всегда укладываются в рамки определенных социальных практик интерпретации и воспроизведения истории», функция исторической памяти проявляется себя в наличии и организации исторических представлений [2, с. 14].

Основная часть. Традиционно начало исследований феномена памяти связывают с работой М. Хальбвакса, посвященной анализу социальной памяти. Исследователь, размышляя о памяти, выделяет два ее типа: память индивидуальную и коллективную, которые тесно взаимосвязаны. Чаще всего, пишет он, — мы вспоминаем то, к чему нас побуждают другие, иначе говоря, коллективная память помогает, направляет и задает рамки памяти индивидуальной, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти [3].

Историческая память, как специальным образом направленное сознание, тесно связана с современностью и будущей перспективой. Поэтому на первое место выходит ее процессуальный аспект, который, по сути, предполагает технологии по сохранению, организации и воспроизведению индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Следовательно, ключевой вопрос, который встает перед исследователем, заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания.

Осмысливая пройденный путь, общество вырабатывает определенное отношение к прошлому, которое находит свое отражение в историческом памяти и сознании. Коллективная (историческая) память, в свою очередь, может быть использована как ключ к изучению и пониманию коллективной идентичности.

Будучи широким и многоаспектным понятием, идентичность по-разному определяется в рамках различных дисциплин и подходов. Один из дискуссионных вопросов, связанных с концептуализацией понятия «идентичность», относит нас к ее субстанциональным свойствам. В этом вопросе выделяются две принципиальные позиции, которые представлены, с одной стороны, сторонниками понимания идентичности как процесса, того, что существует только в динамике и только в ней может быть изучено и понято. И теми, кто видит в ней некую статичную субстанцию, результат, которого достигает индивид или группа в итоге процессов соотношения и самоопределения. В первом случае речь скорее идет об идентификации, процессе, в рамках которого непосредственно осознается и пережива-

ется некоторое тождество: самому себе, группе и одновременно обособление от «другого» (интеракционистский подход). В рамках второй позиции идентичность представляется в качестве устойчивого стабильного образования либо как элемент индивидуального/группового сознания, который вместе с тем может трансформироваться под влиянием определенных условий [4].

Другой теоретической оппозицией, присутствующей в поле концептуализации идентичности, является представление о ней как об индивидуальном или групповом феномене. Аргументируя эту позицию, В. С. Малахов подчеркивает, что концепт индивидуальной идентичности не может быть перенесен на группу, поскольку общество не аналогично личности, а значит, не обладает теми же качествами, в частности свойством субъектности [5, с. 50]. Множественность идентичностей вызывается, скорее, сложной ролевой структурой общества, и в этом смысле не предполагает обязательного требования самоидентичности субъекта. Именно поэтому возможна и коллективная идентичность, характеризующаяся как «интерактивное и разделяемое определение, созданное несколькими людьми (или группами на более сложном уровне) и связанное с направленностью действия и областью возможностей и ограничений, в которой происходит действие» [5, с. 53]. При этом соотношение идентичности и памяти в коллективном измерении аналогичны их взаимосвязи на уровне индивида. Как полагает Р. Дженкинс, именно на пересечении самопрезентации и социальной категоризации находится основной механизм, формирующий индивидуальную и коллективную идентичности. Индивиды дифференцируют себя, принимая критерии, разделяемые членами группы, и развивая чувство принадлежности к ней. Когда «другие» признают принадлежность индивидов к группе, возникает коллективная идентичность. В случае идентификации себя с национальной группой речь идет о национальной идентичности, в значительной мере связанной с коллективной памятью всего сообщества на определенной территории (особенно с учетом роли государства в создании и развитии мнемонической инфраструктуры, политики памяти и т. п.). Именно с коллективной памятью национального уровня многие авторы связывают понятие «историческая память».

Идентичность, таким образом, представляет собой сложный социальный феномен, возникающий в результате постоянного взаимодействия между личными условиями, социальными отношениями и институциональными рамками. Формирование идентичности есть результат двух основных процессов: представления о себе и социальной категоризации. Сочетание этих двух

процессов приводит к осознанию собственного отличия, с одной стороны, и чувству принадлежности, с другой, обеспечивает механизмы включения и исключения, которые, в свою очередь, создаются, поддерживаются и усиливаются государственной политикой [6, с. 60].

Именно представленность исторического прошлого в историческом сознании и памяти современной белорусской студенческой молодежи, их взаимосвязь с национальной (коллективной) идентичностью стала предметом историко-социологического исследования, проведенного среди студентов БГТУ. По итогам исследования были получены следующие результаты.

Студенты считают важным знание истории. Менее 2% респондентов из опрошенных указали, что знать историю необязательно для каждого человека. При этом 66% опрошенных считают, что нужно знать историю как своей страны, так и других народов. В то же время 22% студентов ответили, что достаточно знать историю своей страны и своего народа, а 4% указали, что достаточно знать историю своей малой Родины и историю своей семьи. Говоря о личном интересе опрошенных к истории, стоит отметить: 41% студентов ответили, что их интересует любая история, 21% интересуются только историей своей страны, 13% опрошенных заявили, что их не интересует история в принципе. Кроме того, 7% опрошенных заявили, что прежде всего интересуются историей места своего проживания, а также историей своей семьи.

В целом можно говорить о достаточно высокой степени национальной и гражданской идентификации студенческой молодежи (со своим народом тесную и скорее тесную связь ощущают 83,7% опрошенных; с гражданами своей страны себя идентифицируют 67,6% опрошенных). Кроме того, наиболее выраженная идентификация с семьей (97,1%) также может быть квалифицирована как форма этнонациональной идентификации, поскольку усвоение родного языка, элементов национальной культуры и возможности для их воспроизводства обеспечиваются, прежде всего, на уровне семьи [7].

Рассматривая идентификацию в рамках своеобразного континуума: история – современность и отнеся к «историческим» и в некотором смысле «воображаемому» сообществам народ, сограждан, единомышленников, а к «современным», соответственно, семью, друзей, коллег по учебе, жителей своего города и региона, можно говорить о том, что последние идентичности у молодежи сильнее актуализированы.

Процессы социальной идентификации, отнесения себя к членам определенной «мы-группы» тесным образом связаны с феноменом межгруппового восприятия, который, в свою очередь

детерминирован реальными межгрупповыми отношениями, актуальным социальным контекстом, психологическими факторами. В ходе категоризации социальных общностей, реализуемой на основе универсального принципа биполярности, выстраивается базовая оппозиция «мы» (свои) – «они» (чужие), которая положена в основу образа социального мира. В рамках данной оппозиции проявляется базовая семантика интеграции/сплоченности со своими и разъединения/отчуждения с другими, иными, чужими. Таким образом, когнитивная оппозиция «свой – чужой», «мы – они» – это, прежде всего, вопрос идентификации ее субъектов, как индивидуальных, так и групповых.

В этой связи показательны ответы на открытый вопрос: «Кого бы Вы отнесли к категории “они”, “чужие”, “другие”, “не наши”?» Какие «другие» выступают теми группами, которые позволяют молодежи осознавать свою групповую принадлежность и формировать коллективные идентичности?

Анализ ответов респондентов позволил установить, что ядро концепта «они» образуют другие государства. Близкая периферия – это иностранные граждане и другие народы. Дальняя периферия включает представления о «других» как о «незнакомых лично мне людях», тех, кто «не разделяет мои взгляды», людей с другими нормами поведения, другого вероисповедания, представителей власти, а также крайнюю форму «инаковости», «чуждости», которая представлена иной формой жизни – животной и инопланетной. Наконец, крайняя периферия концепта включает приезжих/мигрантов.

Тот факт, что основная ось противопоставления в рамках оппозиции «свой – чужой» выстраивается по линии государств и их граждан, позволяет заключить, что ведущей, доминирующей идентичностью у студентов выступает идентичность национальная/гражданская. Причем говоря о «других» государствах, респонденты чаще определяют их как территории, которые находятся за пределами «нашего» пространства, чаще используют широкие категории (все, кроме стран СНГ, Дальний Восток, Запад, страны НАТО, страны другого континента). Важно указать на позицию, которой придерживалась часть респондентов: разделение на «мы» и «они», «своих и чужих» категорически отрицалось, в той или иной форме транслировалась мысль, что подобное противопоставление является в некоторой степени атавизмом, ненормальным для современного общества, где все ко всем должны проявлять толерантность и уважение. Доля таких респондентов составила 10,5% от числа всех опрошенных.

Ряд авторов (Б. Андерсон, А. Ассман, Р. Айерман и др.), отмечая консолидирующее свойство

героического прошлого группы наряду с ее травматическим опытом, рассматривают эти элементы исторической памяти в качестве важного ресурса идентичности. Именно память о героях и жертвах ложится в основу коллективной идентичности, способствует возникновению новых и поддержанию существующих социальных связей. Иначе говоря, память о героическом и травматическом позволяет группе связать прошлое с настоящим и будущим.

Анализ ответов на вопрос о том, кого респонденты могут назвать героем своей страны, своего народа, позволяет говорить о том, что у современной молодежи образ национального героя и героического, прежде всего, связан с таким событием, как Великая Отечественная война. Ответы, которые в совокупности образуют обобщенную категорию «герои, ветераны и участники Великой Отечественной войны», составили 40,7%. Вторая по частоте упоминания категория – герои национально-освободительных движений – их указали 17,4% опрошенных. В целом можно заметить, что студенты в большей степени героизируют тех, чья деятельность связана с национальной составляющей: лидеров национально-освободительных движений и восстаний, народных просветителей, национальных писателей, поэтов и т. д.

Показательным является факт своеобразного нигилизма, когда респонденты демонстративно заявляют о том, что они никого не могут обозначить в качестве героев и, в принципе, сама героизация для них неприемлема. Противоположной позицией выступает стремление максимально обобщить и расширить образ героя, включить в него весь народ на протяжении всего обозримого прошлого и настоящего.

Тему героического в исследовании продолжил вопрос о том, какие события в истории страны и народа в целом вызывают у респондентов чувство гордости. Коллективные чувства, как устойчивые аффективные переживания, разделяемые членами большой группы, не только консолидируют, но и мобилизуют, выполняют функцию символической защиты от неблагоприятных воздействий, компенсируют материальные и моральные потери, создают базу для межгрупповых отношений и т. п.

Если коллективные чувства, относящиеся к настоящему и будущему, характеризуются амбивалентностью, то в воспоминаниях о коллективном прошлом чаще преобладают ностальгия, гордость, восхищение подвигами предков. Бело-

русские студенты гордятся, прежде всего, победой в Великой Отечественной войне (42 и 46,4% соответственно). Второй по значимости позицией, которая вызывает гордость и восхищение у молодежи, – современные политические, культурные, социально-экономические события в стране (17,7%), на третьей – обретение страной независимости (13,8). Вместе с тем история стран и народов – это не только достижения и победы, это утраты, национальные трагедии, которые вызывают противоположные гордости чувства – унижение, скорбь, стыд. При этом коллективные травмы и память о них способны выполнять социально продуктивную функцию: они объединяют людей в их горе, способствуют созданию социальных связей, появлению новых отношений, мобилизуют к активным действиям. Иначе говоря, коллективные травмы могут выступать консолидирующими событиями и формировать коллективные идентичности, задавать членство в группе, которая объединена событием или опытом. Как показало исследование, наиболее травмирующими в исторической памяти молодежи выступают трагические события советского прошлого, и прежде всего политические репрессии. В качестве национальной травмы белорусская молодежь выделяет также события периода Речи Посполитой. Вместе с тем в исторической памяти белорусской молодежи героические аспекты и позитивные коллективные чувства преобладают, что дает возможность, в свою очередь, говорить о преобладании позитивных форм коллективной идентичности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что современная студенческая молодежь придает важное значение истории, считает необходимым сохранять и транслировать прошлое для будущих поколений. В фокусе интересов молодых людей в первую очередь история – национальная и мировая. Наша молодежь переживает гордость, прежде всего, в связи с процессами формирования национального государства, борьбой за национальную независимость. Коллективные чувства тесно связаны с настоящим. В целом, у молодежи сильно выражен именно этнонациональный аспект идентичности, а историческая память в большей степени сконцентрирована на образах национального прошлого, идеях этнокультурной самобытности и национальной независимости, историческое сознание преимущественно направлено на «близкое» прошлое и настоящее.

Список литературы

1. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8–26.

2. Куликов Д. К. Историческое сознание и его теоретические противоречия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 1. С. 14–18.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. С. 28–29.
4. Эриксон Э. Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. 344 с.
5. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–51.
6. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 58–65.
7. Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом: монография / П. С. Крючек, О. В. Матвеев, В. Н. Острога [и др.]; под ред. П. С. Крючека и О. В. Матвеева. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2023. 382 с.

References

1. Rüsen J. Losing the Sequence of History: Some Aspects of Historical Science at the Crossroads of Modernism, Postmodernism, and the Memory Debate. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History]. Moscow, 2001, issue 7, pp. 8–26 (In Russian).
2. Kulikov D. K. Historical Consciousness and Its Theoretical Contradictions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severnyy Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. North Caucasian region], series: Social sciences, 2008, no. 1, pp. 14–18 (In Russian).
3. Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2007, pp. 28–29 (In Russian).
4. Erikson E. E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Progress" Publ., 1996. 344 p. (In Russian).
5. Malakhov V. S. Inconveniences with Identity. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1998, no. 2, pp. 43–51 (In Russian).
6. Sternin I. A. Methodology for Studying the Structure of a Concept. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2001, pp. 58–65 (In Russian).
7. Kryuchek P. S., Matveev O. V., Ostroga V. A., Rakachev V. N., Rakachev D. N., Rakacheva Ya. V., Sergeev V. N. *Istoricheskaya kul'tura belorusov i rossiyen: formirovaniye predstavleniy o natsional'nom i obshchem proshlom: monografiya* [Historical Culture of Belarusians and Russians: Formation of Perceptions of National and Shared Past: Monograph]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2023. 382 p. (In Russian).

Информация об авторах

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук. Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: gumanitar@ucp.by

Information about the authors

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Sergeev Vsevolod Nikolaevich – PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of Humanitar Sciences. University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus (25 Mashinostroiteley str., 220118, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: v.n.sergeev@gmail.com

Поступила 15.03.2025